

ГЛАВА 1.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ НАДПИСЕЙ НА АМФОРАХ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ

При знакомстве с отечественной литературой о *dipinti* Северного Причерноморья обращают на себя внимание два тезиса, которые неизменно переходят из публикации в публикацию:

1. Сколь мало внимания уделено на сегодняшний день изучению этой категории керамической эпиграфики, а публикации таких надписей крайне малочисленны [Бёттгер, Шелов, 1998, с. 20; Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 9].
2. Нет обобщающих работ ни в отечественной, ни в зарубежной литературе по данной тематике [Беляев, 1961, с. 139].

Поэтому нелишним будет еще раз взглянуть на уже пройденный путь изучения надписей на амфорах.

Почему же, спустя почти полтора столетия после начала изучения надписей краской на амфорах, у исследователей возникает ощущение недостаточности внимания? Ответ на этот вопрос, очевидно, кроется в билингвистичности самих пометок. Два основных языка – латинский и греческий, применявшихся в надписях Римской империи, разделили, литературу о них на две части: 1. работы о *tituli picti*; 2. исследования, посвященные *dipinti*. Это создает ощущение автономного развития изучения каждого из разделов в сущности одного и того же материала. Следствием такого изучения являются выводы исследователей, занимающихся грекоязычными *dipinti*, о доминировании в последние десятилетия публикаций, связанных с подобными надписями на востоке и перемещении сюда же, в первые века нашей эры, узловых пунктов их находок [Бёттгер, Шелов, 1998, с. 20].

Автономность исследований вредит, прежде всего, изучению надписей восточных римских провинций и Северного Причерноморья, в частности. Польза сопоставления же очевидна. И она, прежде всего, в том, что большая часть *tituli picti* имеет привязки к местам их происхождения, а те, в свою очередь, – к пунктам заполнения амфор содержимым, на который и указывают пометки.

Происхождение многих северопричерноморских амфор с *dipinti*, а также их содержимого определяется гипотетически. Часто современные исследования маркировок на таких амфорах идут по пути наименьшего сопротивления, то

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

есть место находки автоматически рассматривается как место нанесения пометки на сосуд. Во многих надписях восточных провинций видят лишь сиюминутные отметки с отсутствующими общими нормами и стандартами, так характерными для *tituli picti*. Таким образом, в происхождении пометок заранее отрицается связь с местом производства содержимого. Это тоже, отчасти, является следствием отсутствия взаимосвязи между публикациями Восток-Запад.

Нельзя, конечно, забывать и о разнице. Восточные провинции отличались не только своим географическим положением и господством греческого языка. Они имели свои исторически создавшиеся экономические особенности, обладали значительной социальной устойчивостью и культурной самостоятельностью. В то время, когда западные провинции полностью были романизированы, на Востоке не только романизация не сделала заметных успехов, но и эллинизация не везде глубоко захватила широкие массы населения. Так, например, народы восточных провинций Римской империи пронесли через века эллинистического и римского владычества ряд социальных установлений и элементов культуры, унаследованных от древневосточной старины [Ранович, 1949, с. 3].

Однако вернемся к историографии. Благо, она имеет общее для двух этих групп начало. Приступая к этой части своей работы, я далек от мысли полного перечисления всех исследований по данной теме. Лишь основные этапы, являющиеся важными для нашей темы.

1.1. История изучения *tituli picti* (Рим, западные провинции, контактные зоны)

Надписи краской на сосудах (*amphorae litteratae*) под разными названиями упоминались многими древними авторами. Петроний их называет – *pittacia* [Petronius, Sat.34], у Горация они упоминаются как *notae* [Horace, Carm. ii.3.8], Ювенал говорит о *tituli* [Juvenal v.34; Callender, 1965, p. 5-6].

Как и иные виды керамической эпиграфики (клейма, граффити), надписи краской не являются самостоятельными и не могут рассматриваться вне контекста – сосудов, на которые они нанесены, места и обстоятельства находки и т.д. Поэтому не случайно, что первое появление пометок, нанесенных краской, в литературе второй половины XIX в. было связано с публикацией римских амфор. Причем первоначально клейма, граффити и *tituli picti*, которые находились на некоторых из амфор, вызывали несравнимо больший интерес, чем сами амфоры.

В 1871 г. Р. Шёне опубликовал надписи на амфорах, найденных в Помпеях с 1757 г. Амфоры в этой публикации выступали лишь как вспомогательный материал, призванный дополнять ценные эпиграфические сведения [Shoene, 1871].

Когда Т. Моммзен решил издать *Corpus Inscriptionum Latinarum* (CIL), он поручил Г. Дресселю, одному из своих учеников, сделать исследование по катего-

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

тикально – на горле и плечиках, ближе к ручке, ε – под нижним прилепом ручки. [CIL XV, 2, 1, 560-565; Rodriguez Almeida, 1984, p. 175-184] (рис. 1).

В позициях α и γ содержались цифры, вероятно, обозначающие вес пустых и заполненных сосудов, и особые символы - сиглы. Пометки позиции β оказались наиболее простыми для распознавания даже на фрагментах сосудов. Выполненные аккуратным, красивым почерком, они обычно содержали полное имя (со всеми тремя составляющими), стоявшее только в родительном падеже.

Иногда вместо имени одного лица в позиции β появлялась целая группа, состоявшая из имен членов одной и той же семьи или компаньонов. Г. Дрессель выдвинул гипотезу, согласно которой это были имена производителей амфор, либо их содержимого, а не посредников и торговцев. Принадлежали они людям из провинции Бетика. Всего обнаружилось около 160 таких имен [CIL XV, с. 651]. В III в. н.э. в этой позиции вместо имен частных лиц появляется надпись *Ratio Fisci* (казначейское управление) (*fisci rationis provinciae Baeticae vel Tarraconensis*), связанная, по мнению исследователя, с акциями, проведенными Септимием Севером после битвы при Лионе, в результате которых пострадали некоторые землевладельцы Бетики, сторонники его соперника Альбина.

Позиция δ, нанесенная наискось курсивом у основания ручки, в стороне от основного текста, привлекла особое внимание. Здесь, по мнению Г. Дресселя, указывалось место, куда направлялась амфора. Надпись обычно содержала расположенную в определенном порядке информацию: название города со словом *arca* или аббревиатурой, которая означает то же самое: цифры; имена; консульские даты.

И, наконец, последняя позиция ε – самая трудная для понимания. Г. Дрессель считал надписи в этой позиции аномальными, так как в их появлении не было постоянства. В них содержались цифры, возможно, связанные с отметкой о погрузке на корабль или ценой товара.

В 1879 г. Г. Дрессель нашел еще большое количество фрагментов и целых амфор во рву у *Castra Pretorio* в Риме. Значительная часть из них также имела на себе пометки краской и клейма. Это существенно расширило поле исследования. Для детального рассмотрения маркировок Дресселю, прежде всего, необходимо было их классифицировать, разбить по группам, а также постараться понять, что могло содержаться в каждой из амфор с надписью. Разнообразие форм амфор, несущих надписи, заставило Г. Дресселя классифицировать сами амфоры. Такая классификация тары позволяла ему не повторять постоянно подробных описаний сосудов. Упрощая описание контекста, он мог теперь больше внимание уделять эпиграфическому материалу. На основании анализа надписей на целых амфорах из *Castra Pretorio* Г. Дрессель утвердился в предположении о том, что цифры в позиции α и γ содержали вес пустой и полной тары [CIL XV, p.149 и след.].

Таким образом, изучение амфорного материала *Monte Testaccio* и *Castra Pretorio* Г. Дресселем открывает новую увлекательную главу исторических и

Глава 1

археологических исследований, главу об амфорах и об их эпиграфике, которой практически пренебрегали прежде. Можно сказать, что и амфорные классификации своим появлением в большой степени обязаны надписям на них (клеймам и *tituli picti*).

Подобный подход к изучению амфор был характерен в это время не только для Г. Дресселя. Так, например, в 1894 году А.Л. Делатр, публикуя материал из Карфагена, где он нашел «более тысячи амфор, покрытых слоем земли», описал лишь клейма и *tituli picti* [Delattre, 1894, p. 89-119].

Когда же в 1899 г. Г. Дрессель опубликовал XV, 2 том CIL, посвященный *instrumentum domesticum*, найденным в Риме, часть, касающаяся амфор, насчитывала уже 45 форм. Интересно отметить то, что, несмотря на приданный амфорам характер контекстуальности и вспомогательности, хронология и типология амфор Г. Дресселя получила самостоятельную жизнь во множестве позднейших исследований. Его типология и по сей день остается базовой для этого вида археологического материала. Однако почти до конца первого десятилетия XX века амфоры по-прежнему оставались вспомогательным материалом. Основную информацию, по мнению исследователей, несли надписи на них.

Лишь в 1909 году появляется работа З. Лешке, рассматривающая амфоры и их развитие как самостоятельный источник информации [Loeschke, 1909, p. 103-127, p. 250-258].

Однако и тогда надписи не ушли из поля зрения. Публикации Г. Дресселя дали фактический материал и положили начало дискуссии о характере информации, содержащейся в *tituli picti* [Remark, 1912]. Одним из главных вопросов являлся вопрос о содержимом амфор и, следовательно, о месте происхождения самих амфор.

Напомним, что Г. Дрессель совершенно уверенно считал Испанию источником большинства продуктов в амфорах Monte Testaccio. О. Гиршфельд [Hirschfeld, CIL XII, p. 700], а позже Э. де Вильфосс [de Villefosse, 1914, p. 153 ff.] полагали, что основным поставщиком являлась Галлия. Кроме того, Э. де Вильфосс выдвинул идею о принадлежности имен, выполненных на сосудах большими буквами, не производителям, а грузоотправителям (торговцам). Его доказательства базируются на том, что в Monte Testaccio имеется множество фрагментов амфор, на которых стоят имена двух отправителей грузов - жителей Нарбонны (Narbonnese residents) - Sex. Fadius Secundus и P. Olitius Apollonius. Их фамилии были известны по надписям на сосудах как в Галлии, так и в Риме в виде клейм. Следовательно, место производства амфор, их содержимого и место отправления не всегда могло быть одним и тем же. Для подтверждения своих предположений Э. де Вильфосс также ссылался на Плиния, указывавшего на то, что галльское вино было хорошо известно в Риме.

В 1934 г. А. Гренье издал справочное пособие по галло-римской археологии, XVI главу которого он посвятил амфорам [Grenier, 1934, p. 601-642]. Здесь

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

он пишет, что амфоры являются очень важным источником для реконструкции древней торговли, «так как они несут на себе надписи» [Grenier, 1934, p. 604-605]. Потому раздел II посвящен *tituli picti* – “Marques et Inscriptions des Amphores” [Grenier, 1934, p. 606-613]. Там же были опубликованы амфоры из коллекции Бонна, со ссылкой на классификацию Г. Дресселя, и клейма на них как информация, дополняющая основную. А. Гренье также считал, что многие амфоры из Monte Testaccio имели галльское происхождение [Grenier, 1934, p. 612].

Своеобразный итог этим исследованиям в 1937 г. подвел в своей работе Т. Франк [Frank, 1937, p. 72-79]. Эпиграфическую информацию на амфорах из Monte Testaccio он разделил на три группы:

1. Клеймо фабрикантов (часто – сокращение имени мастеров), которое наносилось на ручки амфор до обжига.

2. Четкие маркировки краской, содержавшие вес пустой амфоры, имя грузоотправителя (собственника) и вес заполненной амфоры. Их наносили в магазине или торговой конторе. Например:

XCII
Sex.Fadi Secundi
CCXV

(Так как отправитель товара часто являлся владельцем, то и *genitive* форма, в которой стояли имена, вполне, по мнению Т. Франка, была здесь уместна.)

3. Надписи, расположенные в стороне от основной, выполненные более мелким шрифтом. Они содержали в себе информацию о месте происхождения товара и торговце; грузоотправителе; весе пустого и полного сосуда (как правило, от 180 до 220 римских фунтов). Здесь же была пометка об уплате пошлины на экспорт, имя регистрирующего клерка и консульская дата [Frank, 1937, p. 72].

Рассматривая материал надписей, Т. Франк отмечал, что наиболее важными являются следующие вопросы:

- вся ли продукция (масло, вино) прибывала из Испании;
- насколько значимыми могли быть поставки из Галлии, а также других провинций Рима;
- был ли произведен продукт в общественных и императорских (государственных) владениях или он происходил из частных поместий;
- контролировало ли государство транспортировку и торговлю амфор с содержанием.

По его мнению, на них могли бы помочь ответить *tituli picti* на амфорах. И, как показали дальнейшие исследования, он не обманулся в надеждах.

Т. Франк полагал, что версия о галльском происхождении амфор оказалась безуспешной по причине отсутствия убедительных доказательств. По его мнению, О. Гиршфельд и Э. де Вилльфосс слишком перестарались в акцентировании своего внимания на фактах, которые, как им казалось, подтверждают галльское происхождение продукции. Имена двух торговцев из Нарбонны - Sex.

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

Сопоставляя данные пометок, Т. Франк приходит к выводу, что экспортный налог в Испании на товары был таким же, как в Галлии и Азии (2,5%). Лишь немногие сосуды до времени Септимия Севера (до 217 г.), конфисковавшего многочисленные частные владения в Испании, имели пометки о государственной собственности (маркировка *Fisci rationis patrimonii prov. Baeticae*). Но уже и с его правлением связаны 46 фрагментов амфор с такими пометками.

Далее, анализируя надписи, Т. Франк приходит к выводу о том, что многие амфоры Monte Testaccio были доставлены в Рим и проданы частными торговцами, которые еще не были подконтрольны государству. Поэтому на амфорах не было иных государственных пометок, кроме маркировки испанских таможен.

Еще один важный момент, отмеченный Т. Франком в статье 1937 г., - принадлежность некоторых рабских имен на амфорах торговцам и владельцам товаров. Эти люди получили после декрета императора Клавдия солидные привилегии за шестилетнюю службу на благо государства [Frank, 1937, p. 77-78]. Раньше он считал, что эти имена принадлежат рабам, которые получали товары в порту для отправки [Frank, 1936, p. 87].

В указанных работах прозвучал еще один важный вывод по экономической истории Римской империи. Огромная куча черепков испанских амфор на Monte Testaccio с *tituli picti*, а также многочисленные находки амфор в Галлии, Южной Германии и Британии, датированные в основном пометками второй половины II в. н.э., доказывают, по мнению Т. Франка, то, что вино и масло из Испании захватило в свободном соревновании большую часть рынка как самой Италии, так и значительную часть зарубежных итальянских рынков [Frank, 1937, p. 79].

Далее, до 60-х годов работы о надписях пополнялись лишь в рамках публикационных материалов. Причем, по мнению Б. Бёттгера и Д.Б. Шелова, «узловые пункты находок переместились в восточную часть Римской империи» [Бёттгер, Шелов, 1998, с. 20]. Возможно, они и правы, но изучение *tituli picti*, тем не менее, не остановилось. Надписи этого рода все больше стали активно использовать, но уже в качестве материала, помогающего в разработке и уточнении амфорной типологии и датировки.

В 1965 г. В Лондоне выходит работа М.Х. Каллендера «Roman Amphorae with index of stamps» [Callender, 1965]. В ней автор пытается, совмещая типологию амфор, информацию надписей краской и клейм, установить точную датировку сосудов. Несмотря на то, что работа, как это следовало из названия, была посвящена каталогу клейм на амфорах римского времени [Callender, 1965, p. 57-280], датированные *tituli picti*, по его мнению, очень важны для процесса их изучения [Callender, 1965, p. xxi]. Каллендер считал, что, в отличие от многих других вещественных материалов и видов керамики, амфоры наименее подвержены влиянию моды. Форма могла оставаться неизменной на протяжении достаточно длительного периода, и поэтому надписи с датами – именами консулов остаются [CIL IV, №№ 255-2561]. Именно благодаря такому подходу

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

том до совершенно не важных частных. Так, например, «читатель, который надеется найти в книге «Римские амфоры» главу, посвященную типологии, методам интерпретации и использования *tituli picti*, найдет лишь сетования автора на плохой климат Британии, который не позволил надписям сохраниться» [Callender, 1965, p. xxiii; Zevi, p. 234], или получит информацию о том, что пустые амфоры в Британии использовались в качестве погребальных урн, и так далее. Каллендер, как считает Ф. Зеви, рассматривая амфоры, пошел от Британии к Галлии и Германии, но остановился почему-то перед преградой в виде Альп и Пиреней. Поэтому археология Италии, Испании и Северной Африки оказалась очень мало изучена в работе. Не соглашается Ф. Зеви и с тезисом о малой подверженности амфор изменениям в моде, приводя в пример амфору формы 3 по Дресселю, которая существовала лишь в эллинистический период. В качестве примера здесь он ссылается на работы В. Грэйс, которая, изучая родосские амфоры, указывает на то, что в период позднего эллинизма они меняют объем и форму. Только на примере амфоры формы 20 по Дресселю можно проследить 3 варианта. Это все свидетельствует о том, что амфора изменялась в зависимости от традиций, способов транспортировки и хранения. Эти ошибки в выводах были сделаны Каллендером, по мнению Ф. Зеви, из-за того, что не были использованы многие последние на тот момент открытия археологии. Именно из-за этого работа частично устарела уже на момент выхода в печать. Кроме того, в разделе IV, который Каллендер полностью посвящает перечню продуктов (на основании надписей краской), транспортировавшихся в амфорах [Callender, 1965, p. 37-45], необходимым было бы сослаться на работу П. Ремарка 1912 г. [Remark, 1912], многие положения которой были использованы в книге. Однако все эти замечания, по мнению самого же рецензента, не умаляли основные достоинства труда Каллендера, значительно продвинувшего вперед изучение амфорного материала.

Свою раздраженность преобладанием *tituli picti* при изучении амфор Ф. Зеви компенсировал новой статьей, которая издается за год до выхода рецензии, в 1966 г. [Zevi, 1966, p. 208-247]. Здесь он, логически завершая работу, начатую Каллендером, опять обращается к серии амфор, описанных Дресселем. По его мнению, изучение самих амфор не далеко продвинулось со времен Дресселя, и потенциальные возможности амфор в составлении экономической истории древности далеко не использованы. Материалы новых исследований на поселениях, а также последние находки на месте древних кораблекрушений к тому времени уже значительно увеличили амфорные коллекции. Тем не менее, количество вариантов амфор, найденных в Риме, по-прежнему не было превзойдено. Именно поэтому римские амфоры (каталогизированные Дресселем) должны стать объектом пристального исследования.

Однако Ф. Зеви совершенно справедливо считал, что изучение амфор вне конкретных комплексов (контекстов) значительно снижает пользу такого

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

покинуть места производства и заполнения их содержимым. При этом позиция β , возможно, добавлялась непосредственно в порту, перед погрузкой на морские суда [Rodríguez Almeida, 1984, p. 187-205]. Родригес Альмейда предположил, что изготовители амфор стремились достичь стандарта в емкости амфор, равному 216 римским фунтам, и это получило отражение в надписях позиции γ многих из них.

Продолжается спор о надписях позиций β и δ . Дрессель, как мы помним, связывал надписи позиции β с производителями масла. Современные исследователи придерживаются мнения о том, что имена, указанные здесь, принадлежали купцам, которые были вовлечены в торговлю маслом [Rodríguez Almeida, 1984, p. 207-233; Blázquez-Martínez, Remesal-Rodríguez, Rodríguez Almeida, 1994, p. 38-124, 209-220; Blázquez-Martínez, Remesal-Rodríguez, 1999, p. 101-128]. В серии лапидарных надписей эти имена упоминаются вместе со званиями *mercatores*, *negotiatores*, *diffusores* и *navicularii olearii*. Но значение этих званий в коммерческом процессе не оговаривается [Liou, Tcherna, 1994, p. 133-149; Paterson, 1998, p. 149-167]. *Negotiator* определяется современными исследователями как грузоотправитель. Дж. Ремесал-Родригес на основании надписей из Гиспалиса (Hispalis) доказал, что *navicularii* занимались транспортировкой оливкового масла, принадлежавшего государству, которое и покрывало расходы по морской перевозке [CIL II. 1180; Remesal-Rodríguez, 1986, p. 100-101]. Так как звание *diffusor* упоминается в источниках только вместе с оливковым маслом (*diffusor olearius*), Ремесал-Родригес утверждает, что эти люди являлись посредниками между производителями и торговцами маслом [Remesal-Rodríguez, 1998, p. 183-200]. Гранино-Церере, в свою очередь, доказывает, что в обязанности *diffusor* входила сухопутная доставка оливкового масла из поместий, в которых его производили, до места погрузки на корабли [Granino Cerere, 1994, p. 705-719]. Лиу и Черния не согласны с такими трактовками, считая, что эти должности сложно определить из контекста надписей позиции β . Они выделяют 7 групп имен, упоминаемых и в лапидарных надписях в качестве *negotiatores*, *diffusores* и *navicularii*. На этом основании они считают, что имена в β -группе принадлежат лицам, игравшим важную коммерческую роль. По их мнению, это были торговцы, ответственные не только за амфоры и их содержимое, но также и за транспортировку товаров через море и даже за продажу их по прибытии на место. Мера ответственности этих лиц была гораздо выше, чем если бы это были просто купцы [Liou, Tcherna, 1994, p. 136-137].

Два, три или более имен периодически появляются в β -группе, начиная с конца первого века нашей эры [Funari, 2001, p. 585-88]. Вероятно, имена принадлежали лицам, состоявшим в партнерских отношениях и часто принадлежавшим к одной фамилии. Часто лица, входившие в такие группы, обладали разными статусами [Blázquez-Martínez, Remesal-Rodríguez, Rodríguez Almeida, 1994, p. 37]. Пометки этих организаций подтверждали законность торговых операций, вероятно, контролируемых как государством, так и частными агентами.

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

явлением усиления контроля над поставками оливкового масла при Клавдии [Remesal-Rodríguez, 1986; Remesal-Rodríguez, 1998]. Кроме того, Лиу, Черния, Домержи и Мэттинли полагают, что эти надписи служат не только универсальной государственной торговой отметкой, но и являют собой гарантию качества товаров и даже носят рекламный характер [Domergue, 1998, p. 201-201; Liou, Tchernia, 1994, p. 133; Mattingly, 1996, p. 213-253; Mattingly, 1988, p. 33-56]. По их мнению, такие пометки отражали гораздо большее проявление торговой самостоятельности провинций, чем это виделось Ремесалу-Родригесу.

Другую часть исследований, связанных с *tituli picti*, составляют работы, авторы которых пытаются восстановить названия продуктов, перевозившихся и хранившихся в амфорах. Работа эта сильно затрудняется в связи с большим количеством сокращений в надписях данной категории. Такие аббревиации были вполне понятны участникам древнего торгового процесса. Но для современного исследователя они тают немало трудностей. Именно с этим связано то, что работ, посвященных этой тематике, сравнительно мало. Как отмечают Д.П.С. Пикок и Д.Ф. Вильямс, «...не всегда надписи могут пролить свет на содержимое амфоры, поэтому нужно использовать и другие методы». Однако такие пометки добавляют нам уверенность в том, что «амфоры формы Дрессель 1 или 2-4 обычно содержали вино, в то время как амфоры Дрессель 7-11 чаще всего использовались для рыбного соуса». [Peacock, Williams, 1986, p.17].

Исследования на эту тему, начатые Ремарком и Каллендером [Remark, 1912; Callender, 1965, p. 37-45] были продолжены Робертом И. Кертисом. В своей работе “Product Identification and Advertising on Roman Commercial Amphorae”, вышедшей в 1986, он не только возвращается к методике определения содержимого амфоры по надписи на ней, но и обращает внимание на еще одну интересную сторону проблемы: «К настоящему времени многие виды древней рекламы получили более или менее полное отражение в литературе. И только одна модель изучена пока крайне слабо». Он имел в виду рекламу на амфорах [Curtis, 1984-1986, p. 209-228]. Наиболее интересной областью для изучения древней коммерческой рекламы как с точки зрения географии распространения, так и с позиции уяснения тонкостей производственного процесса, Кертис считает *tituli picti* на амфорах, предназначавшихся для хранения и транспортировки римских рыбных соусов – *garum*, *liquamen*, *allec*, и *muria* [Curtis, 1984-1986, p. 211]. Эти соусы были популярны во многих провинциях Римской империи. Наибольшая активность в производстве соусов отмечалась в Испании, которая поставляла свою продукцию не только в Западное Средиземноморье, но также легионам, которые располагались по лимесу: на Рейне и реках Подунавья [Ponsich, Tarradell, 1965; испанский импорт в римских провинциях – см. Berti F. et al., 1968, p. 136-137]. Своим производством были известны также провинции Галлия, Африка и Италия [Sanquer, Galliou, 1972, p. 199-223; Egger, Görlich, 1969, p. 410- 416]. В основу своей работы Кертис положил 278 *tituli picti*,

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

рых указывается как имя производителя товара, так и имя владельца магазина (G(ari) F(los) SCOMBR(i)/ SCAURI / EX OFFICINA AGATHOPI – «лучший гарум из скумбрии, изготовленный Скавром, из магазина Агафопа»).

Свои выводы Кертис в дальнейшем развивает в книге «Garum and Salsamenta», посвященной детальному анализу производства и торговли рыбным соусом на всей территории Римской империи [Curtis, 1991]. Немалая роль в этом исследовании отводится греческим и латинским пометкам на амфорной таре [Curtis, 1991, p. 148 ff.]. Несмотря на то, что информация, составляющая главы 6 и 7 данной работы, полностью повторяет опубликованные им до этого статьи, с точки зрения нашего исследования здесь содержатся очень важные дополнения. Так, автор пытается определить возможные цены на рыбные соусы в разное время [Curtis, 1991, p. 170-175]. И хотя эти цены не получили прямого отражения в *tituli picti*, они были косвенно связаны с размером таможенных сборов с каждой амфоры, отметки о которых исследовал Т. Франк. В конце книги Кертис приводит список наиболее вероятных трактовок имен, встречающихся на амфорах для рыбного соуса из Кампании. Здесь он делит имена на 6 вариантов, в зависимости от их грамматической формы.

1. Имя в родительном падеже - производитель товара или торговец, или владелец корабля. Известны случаи, когда одновременно указывалось два таких имени (*societas*) на амфоре Дрессель 14 из Испании – LIQ(uamen)/ EXC(ellens) / SABINI ET AVITI – [Liou, Marichal, 1978, p. 109-181]. В некоторых случаях имена в родительном падеже сопровождают другие имена, предваряющиеся предлогом *ab*;
2. Имена в дательном падеже (часто они написаны отличающимся от остальных надписей цветом краски и другим почерком) – покупатели, получатели товаров или владельцы магазинов;
3. Женские без указания *conponen* – не определимы по принадлежности;
4. Имена, предваряющиеся предлогом *ab* – производители товара или работники мастерской;
5. Имена среднего рода в именительном падеже, сопровождающие название продукта, принадлежат производителю или, что более вероятно, оптовому поставщику, который внес собственную спецификацию в продукт. Женские или мужские имена в этой группе указывают, скорее всего, получателя (потребителя) товара.
6. Инициалы – наиболее трудны в идентификации, так как для них часто невозможно определить полную грамматическую форму. Написанные другим шрифтом и цветом краски, эти надписи могут принадлежать получателям товаров.

Несмотря на то, что многие критерии носят гипотетический характер, они существенно расширяют возможности исследователей в изучении процесса организации торговли и производства в древности.

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

ствует какая-либо принципиально новая типология, зато достаточно подробно перечислены амфоры, встреченные на территории Нижнего Подунавья. Работа ценна своим библиографическим списком. Для нас важно то, что, описывая амфоры, автор отдельно останавливался на встреченных в литературе упоминаниях о *dipinti* и *tituli picti* на том или ином типе. Разделы, посвященные пометкам на амфорах (Epigraphy), имеются в характеристиках каждого из типов.

Таким образом, за более чем вековую историю изучения *tituli picti* был выработан принцип комплексного анализа этого рода материала, что позволяет получать новые, весьма ценные сведения об экономической и социально-политической жизни различных областей Римской империи.

1.2. История изучения *dipinti* восточных провинций

Литература, связанная с надписями первых веков нашей эры из этих регионов, менее обширна. В отличие от *tituli picti*, которые, как уже отмечалось, продвинули вперед изучение амфор, к *dipinti* греческих городов и колоний обратились только тогда, когда типология сосудов, на которых они размещались, была уже более или менее разработана. И если исследователи латинских пометок имели дело в основном с торговыми маркировками определенного стандарта, то греческие надписи представляли большое тематическое разнообразие.

Согласно замечанию Б.Бёттгера и Д.Б.Шелова, «начиная с 20-х гг. XX в., узловые пункты находок (керамических надписей) перемещаются – по крайней мере, судя по публикациям – в грекоязычную восточную часть Римской империи, где располагались и центры производства тех амфор, которые снабжались дипинти» [Бёттгер, Шелов, 1998, с. 20]. Однако, на мой взгляд, это не совсем так. Как показывает приведенный выше обзор литературы о *tituli picti*, изучение их практически не останавливалось. Уменьшение же теоретических работ, возможно, было продиктовано тем обстоятельством, что дискуссии на основные темы к моменту появления массового материала с востока уже прошли, и в дальнейшем рассматриваются те или иные стороны этой проблемы, но уже применительно к конкретным памятникам.

Основная масса публикаций греческих *dipinti* появляется тогда, когда латинские уже были в основном классифицированы. При этом многие выводы, применимые для *tituli picti*, оказываются полезными и в понимании *dipinti*. Можно предполагать, что это было связано с распространением Римской империи на восток. Империя приносила с собой и унификацию. Вероятно, что те правила, которые применялись в законодательном порядке для римской торговли, распространялись вместе с римскими гарнизонами и администрацией и на восточные провинции. И исследования, о которых пойдет речь ниже, как будто бы не противоречат такому предположению.

В вводной части работы «Керамическая тара Боспора» И.Б. Зеест отмечала,

Глава 1

что интерес к амфорам в Средиземноморье и Северном Причерноморье определился с конца XIX столетия, когда большими раскопками были открыты целые комплексы, содержащие десятки и сотни амфор. Но только клейма амфор привлекали внимание исследователей к керамической таре как к историческому источнику о торговле [Зеест, 1961, с. 5-6]. Но постепенно интерес к античной глиняной таре в античной археологии начинает возрастать. Работы по изучению штемпелей вызвали интерес и к изучению самих сосудов. Их описание и публикация сделаны Е.М. Придиком, Е.М.А. Майюри, В. Грэйс в связи с изданием клейм [Придик, 1917; Maiuri, 1921-1922, 1924, p. 261, fig. 6, № 4563; Maiuri, 1925, p. 246 и сл.; Grace, 1934, p. 202, fig. 1, 1-8]. В последние десятилетия перед Второй мировой войной, в связи с большими раскопками, появилось много нового, еще не изученного археологического материала, в том числе – амфор. Выходят монументальные работы о раскопках на Родосе и Олинфе, в которых широко представлены амфоры [Зеест, 1961, с. 8]. Знакомству с амфорным материалом способствовали новые публикации различных форм неклеимённой тары, относящейся к первым векам нашей эры.

В 1959 г. издается книга Г.С. Робинсона “Pottery of the Roman period. Chronology” [Robinson, 1959]. Работа посвящена керамическому материалу I в. до н.э.- VII в. н.э. Такие временные рамки связаны с тем, что, по мнению автора, «керамика, сделанная в Греции и Восточном Средиземноморье, плохо изучена, так как основной упор делался до этого на доримскую эпоху». Новые находки в Антиохии, Тарсусе, на Афинской агоре и Керамике дали возможность более углубленного изучения керамики римского времени. Среди прочего материала были опубликованы *dipinti* и *graffiti* на классифицированных автором сосудах [Robinson, 1959, pl. 57-59]. *Dipinti* здесь давались постольку, поскольку они были нанесены на сосуды, привлекаемые автором для своей работы.

Основываясь на работе Г.С. Робинсона, а также используя уже известные на это время классификации греческих и римских амфор, М. Лэнг в 1976 г. издает книгу «Graffiti and Dipinti» [Lang, 1976]. Эта работа является и сейчас одной из основных по изучению керамических надписей Греции. До нее издавались работы, являвшиеся просто публикациями отдельных находок. М. Лэнг опубликовала 859 экземпляров *dipinti* и *graffiti*, пригодных для чтения (из более чем 3000 фрагментов, найденных на Афинской агоре, начиная с 1931 г. [Lang, 1976, p. 1]. При этом публикуются афинские надписи (исключая остраконы, клейма и художественные надписи на парадных сосудах), начиная с самых ранних - VIII в. до н.э. - и заканчивая *dipinti* VI в. н.э. Весь собранный материал М. Лэнг разделила на 13 типов, получивших буквенные обозначения:

А. Надписи с алфавитом (Abecedaria) – упражнения; В. Послания и списки; С. Хвалебные и ругательные надписи; D. Имена на черепках; Е. Цифровые пометки на черепках; F. Пометки владельцев (Owners' Marks), где F. Надписи, указывающие на частное владение, Fa. Надписи, указывающие на общественное

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

владение (пометки с лигатурой «дельта-эпсилон»), Fb. Надписи, указывающие на общественное владение (пометки с лигатурой «дельта-эта»); G. Посвятительные и торжественные надписи; H. Пометки коммерческого характера, где Ha – Емкость, Hb – Название тары, Hc – Даты, Hd – Название содержимого, He – Сочетания разных обозначений коммерческого характера; I. Пометки о налоговых сборах и ценах; J. Христианские надписи; K. Пометки смешанного содержания; L. Неклассифицированные надписи; M. Рисунки на сосудах.

Каждому из перечисленных выше видов надписей был посвящен отдельный раздел работы. Каталог каждого из разделов предваряется авторскими комментариями. 99% приведенных пометок – это надписи, выполненные на греческом языке. Латинские надписи сопровождают, как правило, импортные итальянские и испанские амфоры. Их всего 9, из коих 8 датируются I в. до н.э. - II в. н.э. и одна – II-III вв. н.э. Особое внимание уделяется автором датировке надписей. Связано это с тем, что далеко не все пометки содержали в себе консульские и иные даты. Поэтому в определении времени здесь играли роль три фактора: 1. форма букв и грамматика письма; 2. дата сосуда, на котором была надпись; 3. датировка иных материалов, обнаруженных в слое, из которого происходит надпись.

Интересно отметить, что наибольшее количество надписей, опубликованных в данной работе, приходится на период со второй половины I в. до н.э. по VI в. н.э.³ В этом временном отрезке, в свою очередь, по числу пометок выделяется период с I в. н.э. по IV в. н.э. Причем большую часть составляют *dipinti* типа H (Commercial Notations), I (Tax Notations), а также F (Owners Marks). Если же более детально проследить динамику роста количества надписей в отмеченном периоде, мы можем увидеть, что с I в. н.э. по IV в. н.э. они распределяются достаточно равномерно. Характер информации надписей вполне сопоставим с латинскими (римскими) *tituli picti*, о которых говорилось выше. Анализируя надписи с агоры, М. Лэнг отмечает значительные отличия в пометках коммерческого характера в доримский и римский периоды истории Афин. Так, например, для характеристики тары в доримский период применялось гораздо меньше терминов. И если раньше наиболее частым обозначением был термин «амфора», соответствующий 12 или 15 минам, то в римский период появляется такая формулировка как «σῆκομα», обозначающая, что сосуд имеет точный вес. Для греческих надписей римского периода становятся нормальными три вида обозначений тары⁴: 1) слово, обозначающее пустую тару, сопровождающееся весовым символом или цифрой; 2) простая вертикальная черта, которая служила символом меры; 3) символ

³ Этой стороне вопроса М. Лэнг не уделяет внимания, однако, сведения (достаточно важные, на мой взгляд) легко получить при внимательном изучении каталога надписей, приведенного в ее работе.

⁴ Здесь, бесспорно, сказывается влияние римских традиций (см. характеристики латинских пометок выше).

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

Некоторый спад в коммерческих (Н) и налоговых (I) пометках наблюдается в V в. н.э. Но уже для VI в. н.э. характерно новое возрастание *dipinti*. Эти, последние, пометки выполнены исключительно на греческом языке. Начиная с IV в. н.э., появляется серия надписей с кристограммами.

При очевидной полезности работа открыла путь крайне скользкий для целого ряда исследователей. Многие из прочтений её основывались на выискивании подходящей словарной формы для сокращений в надписях. Многие из таких трактовок практически ничем подтвердить нельзя.

В 1981 г. вышла статья Б. Бёттгера, посвященная позднеантичным надписям на амфорах, происходящим из раскопок крепости Ятрус на Нижнем Дунае, в Северной Болгарии [Böttger, 1981, p. 511-525]. Археологические исследования римского военного лагеря, основанного в начале IV в. н.э., проводились здесь с 1958 по 1981 гг. совместной экспедицией немецких и болгарских археологов. В истории Ятруса, существовавшего с перерывами до начала VII в. н.э., выделяют четыре основных периода. Среди находок всех периодов существования доминируют амфоры.

В следующем, 1982 г., выходит работа Б. Бёттгера, в которой дается классификация и хронология амфор Ятруса [Böttger, 1982]. Из 17 разнообразных форм амфор, встречающихся в Ятрусе, на 6 типах имелись надписи краской. Автор детально рассматривает надписи, особо выделяя среди них цифровые пометки, перед которыми стоят знаки, по мнению автора, указывающие на объем сосудов, выраженный в ксестах (секстариях). При этом отмечено, что для ксеста существовали различные пометки: *sextarius ad vinum* (для вина) и *sextarius ad granum* (для зерна). Судя по пометкам, рассматриваемые в работе сосуды были предназначены для зерна. Данная работа интересна тем, что в ней пометки используются в качестве источника информации по политической и экономической истории поселения.

Таким образом, для отслеживания динамики развития надписей на сосудах определенный интерес представляют зоны торговых или военных контактов. Чрезвычайно интересными в этом плане являются материалы, происходящие из крепости Масада, расположенной на территории Палестины, которая входила в состав римской провинции Сирия. Она, как известно, была важным центром торговли с Востоком. Этой роли Сирии как посредника между Востоком и римским Западом Империя придавала большое значение. Ею в значительной мере определялась восточная военная политика Империи. Многие области Сирии представляли страны с очень высокой культурой, как эллинистической, так и местной, унаследованной от более древних времен [Ранович, 1949, с. 127 и сл.]. Эти условия одновременно и затрудняли римлянам освоение страны. Исторически сложившиеся на территории Сирии государства и вольные города сохранили значительную устойчивость и с трудом поддавались нивелирующей силе Рима. Римская колонизация здесь не имела серьезных успехов. Римские

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

суды и надписи на них, приводимые в публикации, датируются второй половиной I в. до н.э. – началом II в. н.э. Здесь отмечены латинские, греческие, еврейские и арамейские *tituli picti*. Кроме того, среди материалов присутствует достаточно большое количество билингвистичных пометок. Авторы совершенно уверены в том, что латинские надписи (так же, как и некоторые билингвы) стояли на импортной продукции, в то время как греческие и еврейские пометки были нанесены на месте. По мнению авторов-составителей издания «Masada II», латинские *tituli picti*, а также многие латинско-греческие билингвы относятся к периоду правления Ирода [Cotton, Geiger, 1989, p. 133-177] и римской оккупации. Причем все они были связаны с импортной продукцией. Вывод был сделан на том основании, что многие из пометок на римских амфорах содержали консульские даты (например: ...Καις(αρος) Ζ `Αγρίππια Γ / Sae(sare) VII). Часть амфор имела пометки о достаточно дорогих и высококачественных товарах, содержавшихся в них – «Яблоки из Кум» (no.822) или «прекрасное массийское вино» (no.819), или «гарум» (no.826), но при этом на них отсутствовала датировка. Авторы считают, что недатированные римские амфоры могли предназначаться самому Ироду и его окружению. Местный же гарнизон снабжался местной провизией. Поэтому ему могли принадлежать сосуды с греческими надписями и еврейско-греческими билингвами. Масло и вино, которые чаще всего содержались в амфорах, солдаты приобретали сами на местах, так как гораздо выгоднее было покупать товары местного производства, цены на которые, скорее всего, были ниже, чем на привозные. [Cotton, Geiger, 1989, p. 133]. Таким образом, на территории крепости время от времени происходит замещение латинских надписей греческо-еврейскими билингвами. Это было связано с составом местного населения.

Кроме того, есть версия о том, что какие-то амфоры с латинскими пометками были закуплены Л. Флавием Сильвой и его войском во время осады крепости весной 73 или 74 гг. н.э. Часть надписей были билингвальные – латинско-греческие, но содержали итальянские продукты (гарум и вино). Греческие надписи и греческо-еврейские билингвы существовали на территории крепости почти во все периоды [Cotton, Geiger, 1989, p. 184-205]. Большинство греческих надписей принадлежит времени еврейского присутствия в крепости. Греческие надписи содержали в основном именные пометки, как предполагается, владельцев.

Высокий процент греческо-еврейских билингв, по мнению авторов, свидетельствует о широком взаимодействии греческой и местной культур [Cotton, Geiger, 1989, p. 179]. При этом замечено, что местные (еврейские) имена не сильно превышают в надписях по численности греческие имена, которые, как предполагают, также принадлежали евреям. Еврейские надписи часто полностью дублируют греческие тексты и нанесены, скорее всего, евреями. При этом отмечается достаточно грамотный язык пометок. Большая часть еврейских имен написана по-гречески [Cotton, Geiger, 1989, №№ 878-889]. На этом осно-

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

к употреблению в Иудее. Авторы проводят анализ остатков рыбы из соусов, найденных в амфорах Масады, и сопоставляют их с содержанием надписей. В результате получается, что в сосудах находились высококачественные соусы из Испании. Кроме того, эти соусы были кошерными (*castum*)⁶ [Cotton, Lerna, Goren, 1996, p. 238]. Упоминания о них можно найти в CIL IV 5662: «Gar(um) Cast(um) Scombri», об этом же пишет и R.I. Curtis [Curtis, 1983, p. 223 ff.]. Таким образом, по мнению авторов, все эти данные помогают понять то, что Ирод пытался «примирить свои римские вкусы с требованиями еврейской религии, налажавшимися на него».

Другая часть амфор западного происхождения с латинскими *tituli picti*, как считают авторы, могла предназначаться римским солдатам, а точнее, Л. Флавию Сильве и его командирскому составу. Причем и это второе предположение также вполне оправдано, так как, согласно многочисленным источникам, вино, оливковое масло и рыбный соус составляли часть римского военного рациона [Davies, 1972, p. 122 ff.]. Поэтому большое количество амфор, содержавших эти продукты, находят на месте римских военных лагерей на всей территории Римской империи (например, см. Garnsey, Whittaker, 1983, p. 75-83; Curtis, 1983, p. 239).

В любом случае для нас материал из Масады – яркий пример отражения в надписях на амфорах изменения политического и экономического положения в тех или иных областях.

1.3. Историография *dipinti* Северного Причерноморья

Изучение *dipinti* Северного Причерноморья (впрочем, как и надписей Восточного Средиземноморья) изначально несколько отставало от исследования латинских *tituli picti*. И это несмотря на то, что *dipinti* впервые появляются в российских публикациях достаточно рано. Во II томе «Древностей Боспора Киммерийского», вышедшего в 1854 г., имеются сведения о сосудах с четырьмя ручками и надписями краской [том II, 1854. № LVI-LVIII]. В 1902 г. пять *dipinti* на позднеантичных амфорах (рис. 35), происходящих из Пантикапея, были опубликованы без особых комментариев В.В. Шкорпилом [Шкорпил, 1902, №№ 1-5]. Еще одну надпись на узкогорлой светлоглиняной амфоре второй половины IV в. н.э., найденной на некрополе поселения «Городок Николаевка» (Казацкое), опубликовал М. Ebert в 1913 г. [Ebert, 1913, p. 22, 90, Abb. 102]. Однако сама надпись интересовала его лишь с точки зрения возможности для датировки погребального комплекса.

Дальнейший процесс изучения керамической эпиграфики на долгие годы

⁶ Они должны были быть только из определенных сортов рыбы и только с допустимыми добавками.

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

му анализу препятствовали относительно небольшое количество (59 единиц) и плохая сохранность пометок.

Публикуемые *dipinti* автор разделил на три группы. В первую группу были включены надписи, состоящие из целых слов или сочетаний букв, во вторую – отдельные буквы, в третью – знаки, по мнению автора, не являющиеся буквами. Автор отмечал, что « до сих пор ни в советской, ни в иностранной литературе нет работы, в которой надписи, нанесенные краской, подвергались бы специальному изучению. Публикации отдельных надписей разбросаны по разным изданиям, в основном периодическим, и не всегда доступны» [Беляев, 1961, с. 129-130]. Комментируя надписи, С.А. Беляев выделил одну из них с упоминанием полного римского имени в греческой транскрипции на амфоре V-VI вв. н.э. (по: Зеест, 1961, с. 120, табл XXXIX, 98): Κοίντ[ου] Λουκίου Νυδίου [Беляев, 1961, с. 140]. Среди остальных пометок, по мнению автора, содержались три упоминания названия морских рыб [Беляев, 1961, с. 140-141], а также цифровые обозначения, «применяемые при измерении амфор» [Беляев, 1961, с. 141]. Публикуя херсонесские надписи, С.А. Беляев надеялся привлечь внимание археологов и эпиграфистов к аналогичному материалу.

Несколько позже появляются работы, в которых дипинти используются как полноценный источник по истории экономической, политической и религиозной жизни Северного Причерноморья. К таковым относятся статья К.К. Кострина «Исследования смолистого осадка из древних амфор, найденных при раскопках Танаиса» [Кострин, 1971, с. 264-265] и статья Д.Б. Шелова «Нефть в античных амфорах» [Шелов, 1971, с. 70-74]. В них авторы рассматривали уже надписи *Ναφα* на узкогорлых светлоглиняных амфорах из комплексов середины III в. н.э. как подтверждение того, что в сосудах находилась нефть. К этой же категории можно отнести и статью Ю.Г. Виноградова «Дипинто из раскопок поселения в Широкой балке близ Новороссийска» [Виноградов, 1972, с. 85], в которой анализировалась информация надписи красной краской на стенке амфоры I в. до н.э. – I в. н.э.: «vini Her[emi Simo [v]inar [ia]» – «Я купил гераклейского(?) вина у Сима винариев столько-то».

В 1973 г. в статье Э.И. Соломоник была опубликована целая серия сосудов, происходящих из раскопок на территории Северного Причерноморья с пометками, нанесенными белой краской [Соломоник, 1973, с. 54-77]. Почти все сосуды найдены в погребениях и датируются по археологическим комплексам преимущественно III-IV вв. н.э. Среди надписей, в основном погребального характера, встречаются имена греческих и египетских богов, имевших отношение к хтоническим культам. Эти дипинти, по мнению автора, значительно расширили круг источников о культе Сераписа и Исиды на Боспоре. Кроме того, на горшочках содержались и наиболее ранние христианские надписи, что позволило говорить о существовании христианских общин в городах Северного Причерноморья уже в III в. н.э. Привлеченные в статье различные категории надписей наглядно

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

В 1989 г. Д.Б. Шелов вновь обращается к *dipinti* [Шелов, 1989, с. 97-125]. Новая работа посвящена публикации керамических надписей из закрытых комплексов (помещений и подвалов), исследованных в Танаисе, начиная с 50-х гг. Обобщенный анализ *dipinti* с учетом контекста находок по комплексам позволил автору сделать новые чрезвычайно интересные наблюдения относительно содержания и формы надписей. Здесь он пришел к выводу о том, что надписи и знаки на сосудах, сделанные краской, относятся к сфере использования, а не производства керамики (как это предполагала Т.Н. Книпович) и могли быть нанесены на разных этапах использования. Наблюдения за языком танаисских надписей, в частности, обнаружение в них искажений грамматических и орфографических норм, а также анализ имен в танаисских *dipinti* подтвердили, по мнению автора, предположение о том, что подавляющее большинство маркировок было сделано в самом городе [Шелов, 1989, с. 99-100].

Начиная с 90-х годов XX в., количество публикаций резко увеличилось. В научный оборот вводятся *dipinti* многих памятников Северного Причерноморья. И. А. Емец видит в этом влияние статьи С.А. Беляева 1968 г. и особенно издания надписей на керамических сосудах Афинской агоры М. Лэнг, «которые показали большие информативные возможности дипинти» [Емец, 2005, с. 165; см. у него же перечень работ последнего десятилетия – с. 166]. На мой взгляд, это верно лишь отчасти.

Как мы знаем, книга М. Лэнг не была первой, доказывающей значимость надписей, а разрыв в два десятилетия, прошедших с момента публикации С.А. Беляева, достаточно велик для «стимулирования работ». Вероятно, немаловажную роль в этом сыграло и заметно увеличившееся собрание *dipinti* в археологических коллекциях, с которым нужно было считаться. «Информативность этой категории археологических материалов невелика вследствие трудности её интерпретации, но все же определенные сведения они дают» [Молев, 2000, с. 85]. Чаще всего надписи приводятся в публикациях с весьма скромными комментариями. Нанесение пометок краской на сосуды чаще всего увязывается с местом находки.

Из работ этого периода хотелось бы отметить статью Э.И. Соломоник, посвященную *дипинти* и граффити на амфорах первых веков нашей эры, найденных в Крыму [Соломоник, 1993, с. 102-116]. Автором выделены группы амфор, на которых нанесены пометки, обозначающие имена их владельцев, а также содержимое сосудов: оливковое масло, различные сорта вина и хлеба. Анализируя материал, Э. И. Соломоник пришла к выводу о том, что в первые века нашей эры на территории Крыма широко используется римская метрология (наряду с римскими денежными и весовыми единицами). Эта система проникает и на Усть-Альминское городище, и на Неаполь Скифский, расположенный достаточно далеко от морских коммуникаций. Публикации крымских *дипинти* были продолжены ею в 1995 г. [Соломоник, 1995, с. 38-46].

Стандартные *dipinti* на узкогорлых...

С.Ю. Сапрыкина и А.А. Масленникова «Граффити и дипинти хоры античного Боспора» [Сапрыкин, Масленников, 2007]. Сами авторы издания говорят о том, что они «решили сконцентрировать внимание на граффити и *dipinti* исключительно сельской периферии, поскольку в отечественной и мировой науке сводной и полной публикации такого рода по-прежнему нет...» [Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 10]. В своде они постарались учесть опыт предшественников. В связи с этим граффити и *dipinti* приводятся раздельно, по конкретным археологическим памятникам. Сами же объекты территориально выделены в две большие группы – азиатский и европейский Боспор. Публикациям надписей предшествует краткая справка о местах находок (памятниках). Хронологический и типологический диапазон материала достаточно широк: от надписей на предметах IV в. до н.э. до находок раннесредневекового времени. Всего 1266 надписей. Это сближает свод с известными изданиями, упоминавшимися выше, такими, как «Graffiti and Dipinti» М. Лэнг [Lang, 1976] и, в соответствии с отзывами, является серьезным вкладом в науку [Белоусов, 2010, с. 167]. Среди выводов, к которым приходят авторы свода, примечательно то, что «не лишен смысла анализ находок из синхронных, но различных поселений», а также полезность учета самого вида или типа сосудов, на которых нанесена надпись [Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 13].

Таким образом, несмотря на некоторую разницу в истории изучения надписей на амфорах западных и восточных областей Римской империи, в последние десятилетия наметилось явное сближение в методах работы с *tituli picti* и *dipinti*. Дальнейшее их сравнение, надеюсь, позволит выявить сходные, стандартные формы, присущие конкретным типам сосудов и отражающие изменения в экономической и политической жизни Римской империи и сопредельных с ней регионов.